

В КАЛЕНДАРЕ этого года нет Касьянова дня — дня его рождения, но это не может помешать отметить его 75-летний юбилей.

Несколько запоздалым был у него литературный дебют из-за войны и тяжелого ранения, превращавшего учебу на филологическом факультете Ленинградского университета. Работая затем на кафедре русской советской литературы в том же университете, а позднее заведывая ею, он заявил о себе как критик и литературовед. В 1954 году внимание общественности привлекла его мужественная, еретическая для той поры статья в «Новом мире» — «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе». В ней он убежденно призывал отбросить приукрашательство действительности и отражать жизнь «во всей ее сложности и противоречиях», что вскоре осуществил и сам, став прозаиком. В большую художественную литературу он вошел как неожиданный пришелец, как неприметный трудяга-муравей с огромной ношей — сразу же с эпическим романом «Братья и сестры» (1958 г.), написанным, по его признанию, в великой тайне за семь лет и отразившим бытие деревни в годы войны. За ним последовали повести «Безотцовщина», «Жила была семужка», «Вокруг да около», второй роман «Две зимы и два лета» (1968 г.), показавший уже послевоенную деревню, вскоре третий — «Пути-перепутья», новые повести «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька», «Мамониша», своеобразный притчеобразный цикл «Трава-мурава», многочисленные рассказы, публицистические очерки, статьи, выступления, интервью. Работоспособность Абрамова казалась феноменальной. В талантливой группе писателей-«деревенщиков», духовным отцом которой был А.Т. Твардовский, он один из самых признанных. По знанию жизни российской деревни, художественной обрисовке ее, по глубине проникновения в душу, психологию русского крестьянина он кое в чем не уступал Льву Толстому. Будущему историку и всем, кому понадобится разузнать истинную, не облицованную лакированными глянцем судьбу российской колхозной деревни военного и послевоенного лихолетья, не обойтись без произведений Федора Абрамова. Некоторые из них были при жизни автора переведены на финский язык, немецкий, французский, английский, китайский и другие. Сам он, влекомый жадой познания жизни сельской глубинки, исколесил Советский Союз, всю Россию вдоль и поперек, побывал и за рубежом — в Японии, Америке, во многих странах Европы, Скандинавии, где не упускал случая вникнуть не только в тамошнюю литературную жизнь, но и в состояние дел в сельском хозяйстве.

Литературная критика обычно благожелательно отзывалась о его самобытных творениях. Однако нашлись и такие, кто утверждал, что Ф. Абрамов «вступил в противоречие с правдой жизни, которая в конечном счете обернулась художественной ложью» (В. Староверов). Особенно же ожесточенными были нападки на повесть «Вокруг да около», появившуюся в 1963 году. Она подверглась осуждению на секретариате ЦК, а в архангельской «Правде Севера» 19 сентября того же года появилось письмо «Куда зовешь нас, земляк?», подписан-

ное двумя десятками колхозников, — то есть оно исходило как бы от «широких трудящихся масс», за которыми укрылись районное и областное партначальство и один серенький литератор, его сочинивший. В этом письме земляки обвиняли писателя в незнании колхозной жизни, извращении действительности, очернительстве и даже в клевете!..

Надо ли говорить, сколь сильно и болезненно переживал все это Федор Абрамов! Инфаркт миокарда, развившийся у него в 1966 году, в сущности, был следствием этой травли.

Позднее, уже в 70-е годы, повесть «Вокруг да около», равно как и статья

мир искусства и литературы с указующим перстом, по ироническому неприятию брежневского бюрократического орденлобубивого правления с поцелуями-чмоканьями, он, носивший партбилет в кармане и всей душой страдавший за скверное состояние дел в России, производил временами на меня впечатление какого-то внутреннего диссидента-отступника, которого известные органы забыли упрятать в известное место. И в то же время он в каждой эпохе, каждом явлении, каждым человеком умел разглядеть и положительное и отрицательное, и плюсы и минусы, кроме, кажется, Сталина, в ком он видел одно

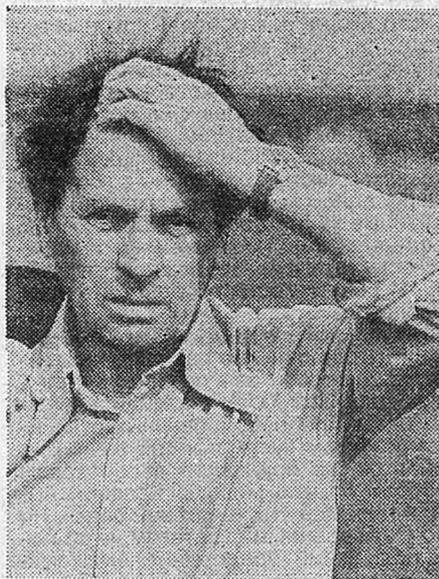
владению и пользованию сельхозтехникой. Но у нас с самого начала организации колхозов произошли большие перегибы. Коллективизация проводилась ускоренными темпами и принуждением. Колхоз не стал, как предусматривалось уставом, истинно кооперативной организацией, он не мог вступать в равноправные отношения ни с себе подобными, ни с другими организациями, ни с государством. Он выполнял планы, спущенные сверху. Но в войну колхозы сыграли огромную роль. Теперь переходят на совхозы. Но тут дело тоже сложное. Совхозы часто убыточны. Так иногда и планируется: за год от такого-то совхоза такой-то убыток. В колхозе больше проявляется личность человека, он ближе к земле. В совхозе это утратилось.

— В чем же причина наших бед в сельском хозяйстве?

— Главная причина наших бед — в пассивности, равнодушии людей. Это

Оглядываясь на Федора АБРАМОВА

Лит. Россия. — 1995. — 24 февр. — с. 10.
К 75-летию со дня рождения

«Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», тем же партначальством и той же партпропагандой были признаны современными и партийными по своей сути.

Мое личное знакомство с Федором Александровичем произошло в 1974 году, когда он работал над романом «Дом» и приближался к апогею своей славы, хотя с печатанием «Дома» из-за цензурных роготок ему опять-таки изрядно попортили крови и потрепали нервы. За восьмилетнее наше знакомство много всего было переговорено. По беспощадной, однако же не сплеча, а взвешенной, аргументированной критике сталинского диктаторского режима, хрущевской оттепели с шараханьями к совнархозам, кукурузе, вторжением в

отрицательное, не признавая за ним даже военных заслуг...

Возмущаясь былой коллективизацией «из-под палки» и истреблением опытейших мужиков-хлеборобов, он вместе с тем сожалел, что ленинский кооперативный план, пусть и не вполне совершенный, не получил у нас должного развития, был задушен в пеленках. Вслед за Л.Н. Толстым, считавшим кооперативную деятельность единственной, в которой может участвовать нравственный, уважающий себя человек, Абрамов высоко ценил производственную (именно производственную, а не на спекуляции основанную) кооперацию, что у него с особой силой прозвучало на встрече с читателями в ГБЛ 15 января 1980 года. В ходе этой встречи, не получившей подобающего освещения в печати, он смог высказаться гораздо полнее, нежели в усеченной речи на V съезде российских писателей, проходившем в те дни...

«Начну, — сказал он, — с русского дома. По-моему, нет ничего этого важнее. У всякого дома, кроме передней, есть жилые комнаты, подсобные помещения. Вот эти-то последние, а они главные, нуждаются в ремонте, даже **коренной перестройке** (выделено мною. — Г.К.). Особую тревогу вызывает поле, окружающее дом. Дом не может существовать без поля, без нивы. А нива-то плохо кормит нас. Хлеб который уж год ввозим из-за границы...»

Минут сорок продолжалось его выступление, и мне кое-что удалось записать дословно. Потом, как водится, посыпались вопросы. Их перевалило за тридцать, но упомяну лишь пять:

— Ваше отношение к колхозам?

— Сложное. Сам по себе колхоз, как форма кооперации, хорошее дело. Это идет еще от дореволюционной деревенской общины, от производственных и промысловых артелей, от кооперативов, товариществ по совместной обработке земли, по совместному приобретению,

наша общая беда как в деревне, так и в городе. Это наша застарелая болезнь — «вот приедет барин, барин нас рассудит».

— Отчего были перегибы?

— Оттого, что пассивность внизу.

— Как к вам относятся земляки?

— Каждая моя вещь для меня связана со страхом. Земляки начинают перебирать друг друга, говоря: «С кого это он содрал?» Бывает, скажут: «Правильно, хорошо написал». Бывает и наоборот... А вообще-то земляки хорошо ко мне относятся. Но когда меня начинают ругать откуда-то сверху, то и у земляков ко мне другое отношение».

Невольно задаешься вопросом: как воспринял бы Федор Абрамов ту перестройку, какая у нас началась с середины 80-х годов? На первых порах, возможно, с одобрением, но скоро наверняка увидел бы в ней и плюсы и минусы. Как-то трудно представить, чтобы его не возмутила вся трескотня о перестройке, которая в конце концов привела к распаду Советского Союза, этническим конфликтам, хаосу в экономике и сельском хозяйстве, бурному всплеску всяческих пороков — всего не перечислишь. Мог ли он, честный и порядочный, не приемлющий «бациллы приобретательства», одобрять обогащение немногих за счет обнищания большинства?

Впрочем, все эти предположения, пожалуй, ни к чему. В одном можно быть уверенным: Федор Александрович Абрамов, будь он жив, не стал бы безучастным наблюдателем или перевертышем, как это случилось с отдельными его собратьями по перу, не поступил бы своими взглядами и убеждениями, своим мировоззрением. Он остался бы самим собою, каким всегда был, — со своим видением, со своей нравственной оценкой происходящего в стране и в мире.

Григорий КУЛИЖНИКОВ